

Линь Шисинь холодно усмехнулся, развернулся и пошёл прочь. Ци Фэйжань догнал его сзади, обнял и быстро прошептал на ухо:

— Не делай так! Не будь... таким жестоким, я буду хорошо к тебе относиться, я дам тебе всё, что ты захочешь...

Он повернул его лицо к себе, пытаясь поцеловать, но Линь Шисинь резко вырвался и побежал в сторону выхода из гор.

Ци Фэйжань вздохнул и быстро последовал за ним. Он оглядел озеро Чандэ и с горькой улыбкой подумал, что это действительно идеальное место для самоубийства влюблённых. Может, просто умереть здесь? Ведь за пределами гор его ждали бесконечные страдания.

Линь Шисинь сел в такси, и Ци Фэйжань тут же вскочил следом.

— Пекинский вокзал, — сказал Линь Шисинь.

Ци Фэйжань удивлённо посмотрел на него.

— Твой багаж всё ещё в отеле... а паспорт?

Линь Шисинь промолчал. Ци Фэйжань назвал водителю адрес отеля, глядя в зеркало заднего вида на Линь Шисиня, который, глупо обхватив колени, всё ещё слегка дрожал. Его вид смягчил сердце Ци Фэйжана, и его гнев утих. Он откинулся на сиденье, глядя на него, и вспомнил тот поцелуй — мягкий, тёплый, сладкий, в тысячу раз лучше, чем он себе представлял. От этих мыслей его тело снова заныло.

Выйдя из машины, Линь Шисинь быстро забежал в свою комнату. Ци Фэйжань постучал в дверь, предлагая выйти поесть, но тот не отвечал и не выходил. Ци Фэйжань спросил, сможет ли он встать к восьми утра, чтобы вместе пойти в Запретный город, но ответа не последовало.

Ци Фэйжань оставил дверь своей комнаты открытой, чтобы услышать, если Линь Шисинь выйдет. Он ворочался в постели, то сожалея о своей импульсивности, то думая, что, возможно, лучше было сразу всё выяснить, чтобы иметь право защищать Линь Шисиня от всех, кто попытается к нему приблизиться.

Он слишком долго притворялся джентльменом, и это не принесло никакой пользы. Линь Шисинь был слишком умным, чтобы не заметить, что его медленно «варили». Если результат будет одинаковым, какая разница, будет ли процесс мягким или грубым? Все дороги ведут в Рим.

Ци Фэйжань придумал множество извращённых оправданий, чтобы утешить себя и подбодрить, не подозревая, что Линь Шисинь в соседней комнате тоже мучительно размышлял. В его голове зародилась мысль о радикальном решении — быстро и решительно покончить с этим.

На следующее утро Линь Шисинь действительно не вышел из комнаты, и планы на поднятие флага и посещение Запретного города сорвались. Билеты пропали, но это было не главное. Ци Фэйжань беспокоился, что он не ел уже три раза, и метался у двери, умоляя его открыть. То грубо угрожал, что если он не хочет умирать, то пусть откроет, то нежно уговаривал, говоря, что он выйдет по делам, и пусть Линь Шисинь откроет дверь, чтобы служанка принесла еду, и он точно не войдёт.

Линь Шисинь сидел на кровати в комнате, слушая, как он за дверью разыгрывает целый

спектакль, и не мог не удивиться.

В конце концов Ци Фэйжань сказал на ресепшене, что его друг страдает от низкого сахара в крови, и если он так долго не открывает дверь, возможно, потерял сознание. Это напугало менеджера отеля, и он дал ключ, чтобы Ци Фэйжань мог открыть дверь.

Линь Шисинь, увидев, как он входит, резко вскочил с кровати, ударившись головой об изголовье.

— Эй, не нервничай, — улыбнулся Ци Фэйжань, глядя на его лицо, и с удивлением заметил, что за три пропущенных приёма пищи его подбородок стал острым. — Здесь есть каша, фрукты, твои любимые рёбрышки, рыба... ешь медленно.

Официант закатил в комнату тележку с едой, и Ци Фэйжань вышел вместе с ним. Линь Шисинь, наконец, расслабился и съел понемногу от каждого блюда, думая: «Почему так много еды? Чтобы я растолстел и его легче было убить?»

Вечером Линь Шисинь, взяв чемодан и рюкзак, выселился из отеля. Ци Фэйжань молча последовал за ним, и когда тот собирался поймать такси, он взял его за запястье.

— Я... я вызвал водителя, пусть он тебя отвезёт.

Линь Шисинь попытался вырвать руку, но Ци Фэйжань не отпускал. Через некоторое время подъехала машина, Ци Фэйжань схватил чемодан Линь Шисиня и положил в багажник, затем втолкнул его в машину и сам сел рядом. Когда машина тронулась, Ци Фэйжань не сводил глаз с Линь Шисиня. Его губы уже не так опухли, но раны ещё не зажили, а на шее виднелись следы.

— Когда вернёшься, не мочи раны... Я постараюсь вернуться поскорее, примерно через неделю, но, возможно, ты не хочешь, чтобы я возвращался...

Он горько усмехнулся.

Он всё ближе подвигался к Линь Шисиню, прижимая его к двери. Линь Шисинь, хмурясь, молчал, опустив голову. Ци Фэйжань приблизился к его лицу, вдыхая его запах, и не смог удержаться, слегка коснувшись уголка его губ.

Линь Шисинь в ужасе посмотрел на водителя, но спинка кресла была слишком высокой, и он даже не видел его головы. Ци Фэйжань тоже заметил это и стал ещё смелее, одной рукой обняв его за колени, а другой за руку, продолжая целовать и шептать:

— Тебе не уйти, полюби меня, просто полюби меня...

Линь Шисинь почувствовал, как у него встали дыбом волосы. Он не мог представить, что подумает водитель, ведь тот явно был из семьи Ци, называя Ци Фэйжаня «молодым господином» и хорошо его зная. Линь Шисинь затаил дыхание, молча переживая долгую поездку.

Выйдя из машины, Линь Шисинь, схватив рюкзак и чемодан, быстро побежал к контролю на вокзал. Ци Фэйжань не успел закончить свои слова «счастливого пути», как тот уже исчез.

Ци Фэйжань стоял на месте, глядя на время, и, убедившись, что поезд Линь Шисиня уже ушёл, достал телефон, чтобы позвонить и спросить, сел ли он. Но звонок не прошёл — телефон был

выключен.

Ци Фэйжань один ехал обратно в отель, глядя в окно и вспоминая, как Линь Шисинь шутил рядом с ним по дороге. Его сердце наполнилось тревогой и пустотой, словно он был ребёнком, совершившим большую ошибку, и не знал, какое наказание его ждёт дома.

Смогут ли они вернуться к тому времени, когда могли свободно болтать обо всём? Как сложатся их отношения через неделю? Может, Линь Шисинь поймёт и примет его? Но что в нём было такого привлекательного? Он не умел шутить, чтобы рассмешить его, не знал поэзии, не мог петь с ним песни, и вообще ничего не знал о философии жизни. Он просто жил в полусне, и даже многие слова Линь Шисиня были ему непонятны. Полгода в литературном кружке не сделали его более культурным...

Ци Фэйжань, лучший представитель трёх поколений семьи Ци, теперь в машине чувствовал себя настолько ничтожным, что готов был причинить себе боль, лишь бы вызвать жалость. Сработает ли такая тактика? А если предложить много денег, понравится ли это ему?

За это время Ци Фэйжань уже успел заметить слабости характера Линь Шисиня. Он был очень добрым и мягкосердечным, о чём свидетельствовало его прощение Цяо Фэна и Ли Цзиншэна. Он также был независимым и самостоятельным, несмотря на тяжёлую учёбу, он работал на трёх работах, зарабатывая больше, чем многие его сверстники. Линь Шисинь казался неуязвимым, недостижимым, и каждый раз, вспоминая его крик «не трогай меня», Ци Фэйжань чувствовал, как его сердце холодеет. Он опёрся головой на спинку сиденья, вздыхая раз за разом. В этот момент он совсем не хотел лететь в Англию на соревнования, а только мечтал поскорее вернуться к Линь Шисиню, чтобы умолять о прощении... или о смерти.

Выйдя из Лондонского Тауэра, он оказался на Тауэрском мосту. Ци Фэйжань шёл вдоль Темзы, остановился на мосту и смотрел на ночной пейзаж. Днём Лондон был заполнен людьми, но ночью он становился тихим. Поезд пронёсся мимо, ветер развевал волосы, и Ци Фэйжань почувствовал небывалое одиночество.

Если бы Линь Шисинь был здесь, они непременно съели бы свежие вафли с шариками мороженого — он любил сладкое; обязательно посетили бы Биг-Бен — место, где Синьи и Сяо Лань признались друг другу в любви; и величественный Собор Святого Павла с его потрясающей архитектурой тоже был бы в списке...

Но его здесь не было.

Ци Фэйжань, гуляя в одиночестве, чувствовал себя всё более скучающим. Романтика принадлежала другим парам, которые фотографировались здесь, а у него ничего не было.

В команде было пять участников, но Ци Фэйжань, как обычно, держался особняком. Кроме совместного изучения тем для соревнований и выполнения обязательных проектов, он либо сидел в отеле, погружённый в свои мысли, либо бродил по улицам, представляя, куда бы они пошли с Линь Шисинем и как бы тот восхищался увиденным.

<http://bllate.org/book/17671/1647129>